

*К. Кнорр Цетина*

## ОБЪЕКТНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОЦИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ ЗНАНИЯ\*

*В статье проводится анализ объектно-центрированной социальности (object-centered sociality) как социальной формы, которая представляет собой оборотную сторону современного опыта индивидуализации. Объектно-центрированная среда определяет индивидуальную идентичность так же, как ранее ее определяли сообщество и семья. Сильная версия «объектуализации» предполагает, что объекты замещают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них. Это постсоциальное развитие сопровождается распространением процессов и структур знания в социальной жизни. Поскольку познавательные процессы сосредоточены на объектах знания, рост современной науки обеспечил и укрепил особую форму объектных отношений, противоположную двум другим формам объектных отношений — товарным и инструментальным отношениям. В конце статьи делается первая попытка охарактеризовать подобную форму объектных отношений и связанное с ней понятие объекта.*

Данная статья разрабатывает подход к анализу объектно-центрированной социальности (object-centered sociality) как социальной формы, которая представляет собой оборотную сторону современного опыта индивидуализации. Понятие индивидуализации обычно фокусируется на человеческих отношениях и предполагает, что люди извлекают дивиденды из современных свобод ценой потери тех преимуществ, которые они

---

\* Сокр. перевод приводится по: Karin Knorr Cetina. *Sociality with Objects. Social Relations in Postsocial Knowledge Societies*// Theory, Culture and Society. 1997. Vol. 14. № 4. November. P. 1–30.

имели, будучи включенными в сообщества. Мы постараемся доказать, что понимание исключенности современных индивидов как результата только межличностных отношений не учитывает того факта, что нынешняя свобода идентификации сопровождается экспансией объектно-центрированной среды, которая определяет индивидуальную идентичность так же, как ранее ее определяли сообщество и семья, и обуславливает существование особых форм социальности, отличных от тех, которыми традиционно занимались социологи. Для описания этой ситуации мы предлагаем использовать термин «объектуализация» [1]. В данном контексте объекты могут рассматриваться и как средства преодоления рисков, содержащихся, по мнению многих авторов, в человеческих отношениях. Сильная версия «объектуализации» предполагает, что объекты замещают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них.

Таким образом, понятие индивидуализации связано со «свертыванием» социальных принципов, которое мы переживаем в настоящее время. Это постсоциальное развитие, как доказывается в данной статье, сопровождается распространением процессов и структур знания в социальной жизни. Поскольку познавательные процессы сосредоточены на объектах знания, рост современной науки обеспечил и укрепил особую форму объектных отношений, противоположную двум другим формам объектных отношений — товарным и инструментальным отношениям. В конце статьи делается попытка охарактеризовать подобную форму объектных отношений и связанное с ней понятие объекта. Следует добавить, что объектуализация не ограничивается отношениями в экспертных культурах, которые описываются в данной статье. Понятие объектуализации может быть распространено, например, на отношение к объектам природы членов экологических движений. Тем не менее, для начала лучше рассмотреть ситуации, в которых взаимодействие с объектами является долговременным и, в определенном смысле, эквивалентным, как в экспертных культурах. Безусловно, понятие объектной социальности требует расширения социологического воображения и словаря. Если аргумент о текущей постсоциальной трансформации верен, подобное расширение необходимо и произвести его, вероятно, составляет важную задачу, стоящую сейчас перед социальной теорией.

### **Смысл индивидуализации**

Утверждение, что мы живем в мире индивидуализации, не является новым. Более 150 лет назад Алексис де Токвиль, посетив США, осудил индивидуализм (который он охарактеризовал как «продукт американской демократии») за склонность «каждого гражданина к обособлению от себе подобных», имеющую следствием опасность «оказаться в заточении собственного одиночества» [2, р. 506, 508]. Этот тезис получил новый смысл, когда более поздние авторы установили связь между иде-

алами индивидуализма и ростом капиталистической экономики. В наследство от классической социальной мысли нам досталась идея, что современное общественное развитие предполагает превращение традиционных сообществ, основанных на групповой солидарности и родственных отношениях, в системы, характеризующиеся растущим влиянием частной собственности, стремлением к получению прибыли, промышленным производством, мобильностью, урбанизацией и бюрократическим профессионализмом, что подрывает включенность индивидов в традиционные сообщества [3]. В последние годы эта тема была развита в ряде исследований личностных трансформаций в контексте технологии, семьи, правосудия и т.д., где подробно рассматривается возрастающее историческое значение и последствия индивидуализации.

Идеи о роли технологии и науки сыграли значительную роль в этих дискуссиях; участники дискуссий склоняются к негативной оценке влияния, оказываемого знанием на социальные отношения. Понятие «бесприютный разум» (*homeless mind*) [4] подытожило многие из обсуждавшихся идей, связав индивидуализацию с «абстрактностью» технологического производства, которая переносится в повседневную жизнь: «Почти все сферы повседневной жизни находятся под постоянным воздействием не только материальных объектов и процессов технологического производства, но и типов сознания, порождаемых им» [4, р. 24, 39]. Этот когнитивный стиль, по мысли авторов, покоится на понимании реальности как совокупности отдельных и контролируемых составляющих, что предполагает возможность использования этих составляющих для разнообразных целей (разделение средств и целей), и на «абстракции», неявно содержащейся в процессе труда, (понятие, созвучное тому, что Д. Белл [5, р. 14] называет «централизмом теоретического знания») как источнике инновации в технологическом производстве. Будучи перенесенными в социальную жизнь, эти особенности ведут к возникновению «фрагментированной», «расколотой» идентичности и анонимных социальных связей; в данном случае отчуждение выступает как плата за индивидуализацию [4, р. 196]. Добавьте к этому плюралистическую структуру и социальную мобильность современных обществ, в которых индивиды сталкиваются с разнообразием систем верований и убеждений, и вы получите ситуацию, когда правдоподобие и значимость этих систем разрушаются и они больше не могут обеспечить чувство надежности и уверенности как одно из условий человеческого существования. В результате мы «бесприютны» не только в обществе, но и во вселенной [4, р. 184–185].

Эти рассуждения претендуют на объяснение того, каким образом экономическая и технологическая цивилизация разрушает человеческие отношения и порождает свободное от обязательств и связей самоисключение личности из локальных контекстов взаимодействия, которые раньше обеспечивали стабильную структуру процесса самоопределения [6; 7; 8]. Некоторые более поздние работы больше внимания

уделяют типам мышления и личности, соответствующим индивидуализации, отказываясь от метафор «бесприютности» в пользу более строгого социологического языка. Анализ «культуры нарциссизма» [9] проливает свет на психологические синдромы, которые поддерживают индивидуализацию в личных отношениях. Бергер и его соавторы еще изображали частную жизнь как убежище, в котором мы можем укрыться от жестокой реальности внешнего мира — хотя в то же время они отмечали и «структурные недостатки» этого убежища, которые делают частную жизнь открытой «холодным ветрам неприютности» [4, р. 187]. Лэш говорит о коллапсе частной сферы, разрушенной и опустошенной, которая, будучи призванной защищать человека от внешнего мира, тем не менее, сама отражает анархию социального устройства. Лэш анализирует семейный и личный опыт «военного положения» («warlike conditions»), которое он усматривает не только в обществе, но и в семье. В основе подобного положения находится нарциссическая личность нашего времени — Лэш возвращает этому понятию психологическое и клиническое измерение, отказываясь использовать его просто как антитезис гуманизму или социализму. Лэш подчеркивает растущее значение диффузных расстройств характера, существенным элементом которых является нарциссизм. Такие свойства синдрома нарциссизма, как детская неспособность выносить неопределенность и тревогу, ярость как реакция на отвергнутую любовь и т.п. компенсируются чрезмерно претенциозной концепцией «Я» и постоянно создаваемыми образами себя как «абсолютно хорошего» или «абсолютно плохого». Такие свойства и личностные черты, как боязнь эмоциональной привязанности, потребительский подход к межличностным отношениям и в то же время потребность в эмоциях, чтобы заполнить внутреннюю пустоту — имеют следствием ухудшение отношений между супругами, между детьми и родителями, избегание глубоких чувств в отношениях между полами и недавнее усиление борьбы полов, страх перед старостью, деградацию и коммерциализацию образования и т.д.

На языке социологической теории «бесприютность» Бергера и «нарциссизм» Лэша означают изменение места традиции в современной жизни и переход власти «извне вовнутрь»: индивиды обращаются к собственным ресурсам, чтобы самим выстраивать свою биографию, идентичность и формы совместного существования [10; 11; 12; 13, р. 2]. Хэйдж и Пауэрс [14], используя ролевую теорию доказывают, что мы находимся в процессе усложнения профессиональных и семейных ролей, поскольку производство и потребление требуют все большей компетентности, вследствие чего эти роли все больше становятся подвержены эффектам человеческой деятельности. Менее формальные, более сложные наборы ролей требуют навыков взаимодействия, умения выносить эмоциональные перегрузки и неопределенность, а также социальной креативности. Хэйдж и Пауэрс отмечают, что подобные требования оказываются чрезмерными для переходного поколения, не адап-

тированного к ним [14, р. 133, 197], результатом чего является широко распространенная ролевая несостоятельность, выражающаяся в способности индивидов воспроизводить определенные модели поведения. Отречение от сообщества и традиций также оставляет индивида без психологических средств, которые помогли бы ему справиться с большой свободой выбора и непредвиденностью современной жизни, порождаемой этой свободой [15, р. 50]. Вот где знание предстает с другой стороны — в обличье экспертов, которые предоставляют информацию о возможностях выбора, устраняют неполадки и производят то, что Гидденс назвал «умными людьми» («clever people») [16, р. 92]. «Умные люди», опирающиеся на экспертное знание, не обязательно экзистенциально богаче, чем нарциссические личности, описанные Лэшем. Тем не менее, акцент на возможностях выбора жизненного пути и сообщества [1; 8; 17] добавляет конструктивную ноту в перспективы моральной и экзистенциальной надежности межличностных отношений в наше время.

### **Постсоциальная трансформация**

Переход от рассмотрения индивидуализации в терминах отчуждения к пониманию ее как необходимого условия деятельности свидетельствует о постепенной трансформации индустриального общества (все еще превалявшего в воображении Бергера и др.) в постиндустриальное, которое имеют в виду более поздние авторы. Заостряя их оценки, мы сейчас сталкиваемся не только с новым, специфическим значением индивидуализации, но с «постсоциальным развитием» в более широком смысле. Термин «постсоциальное развитие» означает, что нынешняя трансформация, помимо лежащего в основе индивидуализации разрушения сообщества и традиции, включает «свертывание» социальных принципов. Чтобы понять это, необходимо вспомнить, что сфера социального структурирования на протяжении XIX и в начале XX века не уменьшалась, а расширялась. По крайней мере, в трех взаимосвязанных областях были сделаны определенные успехи: в экспансии социальной политики и государства всеобщего благосостояния; в сдвиге ментальности, в процессе которого социальная мысль заменила традиционные, либеральные идеи; в сфере корпоративных форм. Именно в этих областях сейчас и происходит «свертывание», помимо «эрозии примордиальных социальных отношений» [11], которая ведет к индивидуализации.

По мнению многих исследователей, экспансия социальной политики представляла собой попытку наций-государств справиться с социальными последствиями капиталистической индустриализации. Социальная политика, какой мы знаем ее сейчас, возникает из того, что Уиттрок и Вагнер называют национализацией социальной ответственности [18, р. 98]. Эти авторы имеют в виду не что иное, как формулирование социальных прав вместе с индивидуальными правами и по-

стулирование государства в качестве «естественного резервуара» и поставщика регулирования в сфере труда, пенсий, социальных пособий, пособий по безработице, государственного образования и т.п. Естественным следствием экспансии социальной политики стало новое понимание сил, управляющих судьбой человека: они стали восприниматься как безличные социальные силы. Рабинбах показал, что рассмотрение индивидуальных рисков, бедности и неравенства как социально-порождаемых феноменов влечет за собой решительный разрыв с предшествующими индивидуалистическими либеральными идеями [19]. Вместо предположения о том, что индивиды автоматически адаптируются к изменяющимся условиям, внимание привлекается к нарушениям равновесия и их социальным причинам, например, к социальным причинам несчастных случаев на производстве. Следующая область экспансии — социальная организация. Рост наций-государств вызвал рост бюрократических институтов и правительств как мультиструктурных многоуровневых администраций. Рост промышленного производства привел к появлению фабрики и современной корпорации; забота о здоровье переместилась в клинику, а современная наука — в университеты и исследовательские лаборатории. Индустриальные нации-государства немыслимы без сложных современных организаций. Комплексные организации представляют собой локальные социальные порядки, упорядочивающие коллективную работу с помощью социальных структурных средств. В итоге, индустриализация не только стимулировала индивидуализацию, но способствовала возникновению различных форм социальной защиты, социальной включенности и социальной мысли посредством государства, рабочих движений и т.п.

В настоящее время экспансия социальных принципов и структур приостановилась. Во многих европейских странах и в США основные принципы государства всеобщего благосостояния с его социальной политикой и коллективным страхованием от индивидуальных бедствий находятся в процессе пересмотра или даже демонтажа. По мнению Баумана, новая констелляция представляет собой совокупность наций, каждая из которых разделена на тех, кто все оплачивает сам, и тех, кто получает пособия; при этом различного рода социальные услуги для тех, кто не платит, вызывают возмущение тех, кто платит [15, р. 56]. Социальное мышление, кроме всего прочего, наталкивается на растущую популярность биологических объяснений человеческого поведения, по отношению к которым оно снова должно доказывать свою значимость. Если Фрейд полагал, что неврозы и нервные болезни являются результатом того, что индивид не пришел к соглашению со строгим внутренним цензором, который представляет общество [9, р. 37], то современные психологи более склонны искать причину психических расстройств в генах. Мобилизация социального воображения представляла собой попытку найти коллективные основания индивидуальных проблем и способы их решения. Сейчас эти коллективные

основания зачастую ищутся в сходстве генетической структуры отдельных, не связанных социально, членов популяции. Но еще более интересен тот факт, что социальные структуры также, по всей видимости, частично теряют свое влияние. Когда сложные организации превращаются в сети более мелких независимых ориентированных на прибыль центров, исчезает существовавшая ранее структурная глубина иерархически организованных социальных систем. Когда услуги, традиционно оказываемые людьми, замещаются автоматизированными электронными службами, вообще не нужна никакая социальная структура — только структуры электронной информации [20]. Главная арена некоторых глобальных транзакций, таких, например, как международный биржевой и валютный рынок, превращается в опосредованные электроникой компьютерные или телефонные переговоры. В этих случаях огромные социальные ресурсы мультинациональных корпораций замещаются микроструктурами переговоров и взаимодействий, которые теперь несут на себе всю тяжесть транзакций. Экспансия глобального общества не означает дальнейшего увеличения социальной сложности. Установление «мирового общества» может стать возможным только через участие отдельных индивидов и микроструктур, и, возможно, о его реальности и можно говорить только имея в виду подобные структуры [21].

### **Креолизация социального: дискуссия об обществе знания**

«Постсоциальная» трансформация предполагает, что социальные формы, какими мы их знали прежде, стали более ограниченными и редкими; происходит «сокращение» социальности во всех вышеописанных смыслах. Можно интерпретировать этот процесс как усиление значимости индивидуализации: вероятно, именно индивиды, а не государство, будут все в большей мере рассматриваться как отвечающие за благосостояние и социальную защиту личности, а средства производства и коммуникации в обществе услуг будут все больше принадлежать личностям, а не крупномасштабным организациям. Такая интерпретация представляется правильной, поскольку заостряет внимание не на коллективных, а на субъектно-центрированных структурах, активизирующихся в современном обществе. Тем не менее, взгляд на текущую трансформацию лишь с точки зрения утраты прежних форм социальности является односторонним. Неверно говорить о простой «десоциализации». Сокращение социальных принципов сопровождается и, возможно, до определенной степени стимулируется экспансией «других» культурных элементов и практик современной жизни. Как представляется, сокращение социальных принципов не оставляет пустых мест в ткани культурных моделей. Структура общества не исчезла, но ее составляющие, вероятно, должны быть переосмыслены. Если такая точка зрения верна, то идея постсоциальной трансформации больше не может трактоваться как описание ситуации, в которой социальное лишается истории. Скорее, она описывает ситуацию, когда социальные прин-

ципы и структуры (в старом смысле) подвергаются креолизации со стороны других культурных принципов и структур, к которым термин «социальное» в прошлом не применялся. *В соответствии с этим сценарием, постсоциальные отношения не являются а-социальными или не-социальными отношениями. Скорее, они представляют собой отношения, специфичные для обществ позднего модерна, которые характеризуются переплетением социального в его привычном значении с «другими» культурами.*

Такой «другой» культурой, которая подразумевается здесь и во всех предыдущих рассуждениях об индивидуализации, является знание и экспертиза. Не существует расхождений во мнениях относительно того, что современные западные общества, в том или ином смысле, управляются знанием и экспертизой. Это подтверждается распространением таких понятий, как «технологическое общество» [4], «информационное общество» [22; 23], «общество знания» [5; 24; 25], «общество риска» или «экспериментальное общество» [26]. Истоки современного понимания этой проблемы можно найти в работах Дэниела Белла [5]. С его точки зрения, непосредственное влияние знание оказывает на экономику, что выражается в широкомасштабных изменениях в разделении труда, в развитии новых специализаций, в появлении и устойчивом росте новых предприятий. <...> Более поздние исследователи указали на новые сферы, подверженные влиянию знания. Например, «технизация» жизненного мира посредством универсальных принципов когнитивной и технической рациональности, о которой говорит Хабермас, представляет собой попытку объяснить распространение абстрактных систем в повседневной жизни [27]. Дрюкер связывает знание с изменениями в организационной структуре и управленческих практиках [24]. Бек, говоря об альянсе науки и капитала, описывает трансформации в политической сфере через корпоративные организации ученых [26]. И, наконец, Гидденс, доказывая, что мы живем в мире возрастающей рефлексивности, опосредованной экспертными системами, распространяет анализ на сферу личности, показывая, что современные люди взаимодействуют друг с другом на основе интерпретации информации, производимой специалистами [28; 16].

Преимущество позиции Гидденса состоит в том, что он, используя понятие «экспертной системы», обращает внимание не только на влияние изолированных продуктов знания или научно-технических элит, но на целостные контексты экспертной работы. Зачастую эти контексты все еще трактуются как чужеродные для социальных систем элементы. Такая позиция предполагает, что экспертные системы основываются на принципах, которые относятся лишь к техническому содержанию экспертной работы и отличны от принципов, господствующих в других сферах социальной жизни. <...> Ограниченность подобной позиции состоит в том, что знание (или технология) рассматривается как независимая переменная и интерпретируется таким образом, чтобы соответствовать традиционным представлениям о науке (например, Белл



отождествляет знание и теорию [5]). Вероятно, контексты знания представляются чем-то совершенно особенным просто потому, что до недавнего времени они не изучались эмпирически. <...> Усиление роли экспертных систем выражается не только в широком присутствии технологических и информационных продуктов знания. Оно предполагает существование связанных со знанием структур и форм включенности. Общество знания — не просто общество с большим количеством экспертов, технологических и информационных инфраструктур и интерпретаций специалистов, а не участников, скорее, это общество, где культуры знания органически вплетены в ткань общества, как и целый ряд процессов, практик и отношений, обслуживающих знание. Именно это распространение отношений знания в обществе нужно рассматривать как проблему, которая должна быть решена посредством социологического (в большей мере, чем экономического) исследования общества знания (см. также [29; 30]).

Традиционное определение «общества знания» ставит акцент на втором слове — на знании, рассматриваемом как специфический продукт. Определение, которое отстаиваем мы, акцентирует слово «общество» — общество, которое сейчас находится, скорее, внутри процессов знания, чем снаружи. В постсоциальном обществе знания взаимоисключающие определения процессов познания и социальных процессов больше не могут рассматриваться как теоретически адекватные; необходимо учитывать те способы, которыми знание конституирует социальные отношения. Ограничение социальности лишь межличностными отношениями игнорирует взаимосвязь культур знания и социальных структур. Новейшие исследования науки и технологии сходятся в том, что культуры знания вращаются вокруг объектных миров, на которые ориентируются ученые и эксперты (в новой социологии науки это особенно подчеркивают Каллон [31] и Латур [32]). С нашей точки зрения, эти объектные миры должны быть включены в расширенную концепцию социальности и социальных отношений. В таком случае основные пункты дискуссии об индивидуализации, возможно, потребуют пересмотра: индивидуализация тогда переплетается с объектуализацией — с возрастающей ориентацией на объекты как источники самоидентификации, реляционной интимности, разделяемой субъективности и социальной интеграции.

### **Что такое «объект»?**

Тема данной статьи находится в рамках дебатов об индивидуализации, которые мы попытались расширить, освободив от ограниченной сфокусированности на сообществе и традиции и обратившись к более широким отношениям постсоциальных трансформаций. Мы связали эти трансформации с прогрессом отношений знания в современной социальной жизни, утверждая, что в обществе знания объектные отношения заменяют и конституируют социальные отношения. Необходимо коротко остановиться на том, что представляет собой расширенная концеп-

ция социальности — концепция объектно-центрированной социальности, которая включает материальные объекты (но не ограничивается ими). Концепция объектно-центрированной социальности представляет собой попытку раскрыть такие понятия, как «эксперт», «техническая компетентность», «экспертная система» и «научно-техническая работа». Эти понятия часто предполагают наличие объектных отношений, от которых зависит экспертиза, но не раскрывают и не проблематизируют их. Понятия объектно-центрированной социальности, напротив, базируются на этих отношениях. Концепция объектно-центрированной социальности также позволяет объяснить существование целого класса социальных форм, которые управляются или опосредуются объектами. Например, объекты служат такими центрирующими и интегрирующими средствами для режимов экспертизы, которые превышают продолжительность жизни отдельного эксперта и создают коллективные конвенции и моральный порядок, в которых заинтересованы члены сообщества. Объектные миры также составляют включающую среду, в которой осуществляется экспертная работа, тем самым, конструируя нечто подобное эмоциональному дому для личности эксперта. Чтобы понять связующую роль объектов, необходимо рассмотреть личностно-объектные связи, объектно-центрированные традиции и коллективы, объектно-созданные миры эмоций. <...>

Первый вопрос, который возникает при рассмотрении отношений, существующих между экспертами и объектами экспертизы — что представляют собой эти объекты? Мы начнем рассмотрение этого вопроса с предположения Рейнбергера [33], который описывает научные объекты таким способом, который можно применить ко всем объектам экспертизы. <...> Рейнбергер относит к эпистемическим «вещам» любые объекты, которые находятся в центре процесса научного исследования, в процессе определения [33, р. 310]. Он отличает эти объекты от технологических объектов, которые имеют фиксированный характер и представляют собой стабильные фрагменты экспериментальной среды. Рейнбергер в данном случае отталкивается от классического различия между «подручным», непроблематичным и часто промышленно произведенным техническим инструментом и проблематичным объектом исследования, которому только предстоит стать технологическим объектом. Однако приравнивание инструментов к технологическим объектам представляется спорным в свете современных технологий, которые представляют собой одновременно и «вещи для использования», и «объекты в процессе трансформации»: они находятся в постоянном процессе развития и исследования. Типичный пример — компьютеры и компьютерные программы, которые подвергаются постоянной модернизации, одновременно присутствуют (готовы к использованию) и отсутствуют (являются объектом дальнейших исследований). Технологии такого рода должны быть включены в категорию эпистемических объектов.

Инструменты, напротив, не следует относить к эпистемическим объектам. Различия между объектами знания (включая технологии) и инструментами можно хорошо показать, опираясь на хайдеггеровский анализ вещи и оборудования и различия между инструментальным бытием-в-мире и ориентацией на познание [34; 35]. Хайдеггер полагал, что оборудование (Zeug), как он называет инструменты, обладает свойством не только готовности к использованию, но и прозрачности: когда мы используем инструмент, он как бы исчезает, превращаясь в чистое средство. Оборудование становится проблемой только в том случае, если его нет в наличии или если оно неисправно. Только тогда мы переходим от «слепого копирования» к анализу и «обдуманному копированию», к теоретической рефлексии свойств объектов. Таким образом, Хайдеггер рассматривает объекты знания по контрасту с инструментами, в терминах «теоретической установки», заключающейся в «отказе» от практического разума.

С нашей точки зрения, эти идеи не дают исчерпывающей характеристики науки как целого, но наводят на мысль, что объекты знания следует понимать как не готовые-к-использованию, недоступные и проблематичные, но в то же время, и как этап в становлении любой вещи. С другой стороны, инструменты — это орудия, доступные средства для достижения целей в рамках логики инструментального действия. В том, что касается науки, более поздние авторы, например, Хабермас, который подходит к проблеме с точки зрения типа действия, приходят к иным выводам, чем Хайдеггер. В то время, как Хайдеггер рассматривает инструментальность как, по сути, антитезу знанию и науке, Хабермас характеризует науку через тип действия, который он называет инструментальным. В соответствии с этим сценарием, целерациональное инструментальное действие следует отличать от коммуникативного и символического действия. Однако подобная точка зрения создает разрыв между миром людей (представленным коммуникативным действием и взаимоотношениями) и миром работы или вещей (представленным инструментальным трудом), чего не было у Хайдеггера. В рамках хабермасовского универсума, отношения в мире вещей покоятся на логике технического контроля и эксплуатации, тогда как отношения в мире людей следует основывать на просвещенной логике согласованного диалога и формирования соглашений [36].

Объектные отношения, будь то с людьми или с вещами, не обходятся без элементов власти и доминирования — факт, обнаруженный еще Фрейдом. Но они требуют более богатого толкования, чем сведение технического интереса к вещам только к контролю и эксплуатации. Идеи Хабермаса важны здесь потому, что они содержат господствующее сейчас понятие инструментальности. Хайдеггер включил в идею инструментального действия в мире понятие заботы и участия. Понятие структуры заботы (care-structure) полезно, но оно утеряно современной концепцией инструментального действия.

Рассматривая проблему далее, мы хотели бы остановиться на другой важной категории объекта в социальной жизни, хорошо знакомой социологам — на понятии товара. Соответствующий процесс обозначается термином «овеществление» — термином, под знаком которого произошло обсуждение перехода к поздней стадии развития капитализма [37]. Чтобы осознать сущность понятия «товар», следует обратиться к предложенному Зиммелем определению товаров как вещей, которые «сопротивляются нашему желанию обладать» ими и которые можно приобрести, только «принеся в жертву какую-либо другую вещь, являющуюся объектом желанья для другого» [38]. Товары получают свою определенность через обмен, в соответствии с его логикой; по Марксу, стоимость товаров определяется трудом, затраченным на их производство. В ряде недавних работ товары рассматриваются также как символические средства выражения статусной принадлежности. Как значащие объекты, товары играют все возрастающую роль в обществе изобилия, которое больше не испытывает в них недостатка. Тем не менее, ни демонстративное потребление и обмен товаров как символов, имеющие место в обществах изобилия [39; 40], ни марксистское определение товара через понятие труда не включают ту форму объектных отношений, которая имеет место в экспертных культурах. В соответствии с преобладающим пониманием товара, последний ценится не за его собственные, внутренние свойства, а за то, что с его помощью можно приобрести — статус, связи, другие объекты и т.д.

Понятие овеществления также соответствует такому пониманию и характеризует ситуацию, в которой социальные явления наделяются вещными свойствами и подвергаются экономической калькуляции [41]. Например, студент, который спрашивает, какую квалификацию лучше получить, чтобы быть более успешным на рынке труда (и который затем получает коммерчески успешную, но неинтересную ему профессию), рассматривает себя как товар. С точки зрения перспектив развития человеческих отношений, овеществление способствует индивидуализации и характеризует такую ситуацию в человеческих отношениях, когда стремление соперничать другому заменяется подсчетом собственных выгод и безличной нейтральностью экономических отношений [42]. Значение этого термина заключается в том, что он объясняет опыт отчуждения, которое Маркс отождествлял с определенными стадиями индустриализации. Тем не менее, современная культура «само-реализации» вряд ли может быть сведена к феномену отчуждения. В центре марксистского понимания товара лежит понятие отчуждения от продуктов своего труда. В то же время, для объектуальных отношений в экспертной работе характерны совершенно противоположные свойства — неотчужденность и отождествление. Таким образом, понятие отчуждения вряд ли может быть применено к описанию отношений эксперта и объектов экспертизы.

### **Объектные отношения: первая попытка характеристики объектно-центрированной социальности**

Теперь я хочу обратиться непосредственно к этим отношениям, обобщая в то же время предыдущее обсуждение. Исходным пунктом для концептуализации объектных ориентаций как подлинных связей, вероятно, является внутренняя сущность этих ориентаций. При обсуждении товаров и инструментов имплицитно предполагалось существование определенной шкалы, на одном конце которой — внешняя полезность, на другом — внутренняя оценка. Товары и инструменты лежат ближе к одному концу шкалы, т.к. представляются внешними по отношению к нашим реальным интересам; объекты знания, в свою очередь, находятся ближе к противоположному концу шкалы, поскольку представляют собой цель экспертной работы, вызывают интерес, внимание, привязанность экспертов и ученых. <...> Следует быть внимательными, чтобы не истолковать объектные отношения просто как позитивные эмоциональные связи или как связи симметричные, неприсваивающие и т.д. Характеристика, которую нам требуется найти, должна быть более динамичной, учитывать амбивалентность и объяснять устойчивость человеческого интереса к объектам. Вероятно, рассуждать об отношении экспертов к объектам лучше *в терминах отсутствия и соответствующей структуры желания*, чем в терминах позитивных связей и осуществления. Идея отсутствия позаимствована у Лакана; чтобы сделать ее более понятной, нам необходимо еще раз обратиться к характеристике эпистемических объектов, данной Рейнбергером, и развить ее.

Рейнбергер рассматривает эпистемические объекты как объекты, которые характеризуются открытостью, проблематичностью и сложностью. Это скорее процессы и проекты, чем нечто законченное. Наблюдение и исследование увеличивают, а не уменьшают их сложность. По нашей терминологии, объекты знания обладают свойством бесконечного раскрытия, в этом смысле они находятся на противоположном конце шкалы, по отношению к инструментам и товарам, которые готовы к использованию или к дальнейшей продаже. Инструменты и товары подобны закрытым ящикам. Объекты знания, напротив, более похожи на открытые полки с папками, количество которых постоянно увеличивается, заполняя до самой глубины пространство темной кладовки. Поскольку объекты знания всегда находятся в процессе определения, они постоянно меняют свои свойства или приобретают новые. Но это также означает, что объекты знания никогда нельзя постичь полностью, что они никогда не остаются теми же самими. В процессе исследования мы сталкиваемся с представлениями о них или с их заместителями, которые компенсируют более фундаментальное отсутствие объекта. С точки зрения субъекта, это отсутствие соответствует структуре желания, постоянно возобновляемому интересу к познанию, который никогда не удовлетворяется окончательным знанием. Как показало изучение науки, процессы исследования редко

приходят к естественному завершению, когда все, что должно быть познано об объекте, считается познанным. На извилистом пути поисков отсутствующего объекта интерес скорее обращается к чему-либо другому.

С нашей точки зрения, открытый характер объектов знания удачно сочетается со «структурой желания», характеризующей личность. Как уже отмечалось, мы заимствуем эту идею у Лакана [43], однако параллели можно обнаружить у Болдуина [44] и Гегеля [17]. Лакан выводит желание не из инстинктивного импульса, конечная цель которого — уменьшение телесного напряжения, как у Фрейда, а из «стадии зеркала» в развитии маленького ребенка. На этой стадии ребенок получает впечатление о своем целостном образе в зеркале, о четких границах и контроле, одновременно начиная осознавать, что он не имеет подобной целостности в фактическом опыте. Желание рождается из чувства зависти к совершенству зеркального образа; отсутствие перманентно, поскольку всегда будет существовать дистанция между субъективным опытом отсутствия чего-либо в нашем существовании и образом в зеркале или кажущейся целостностью других [46; 47]. Можно попытаться интерпретировать отсутствие на языке представлений, что более соответствует нашему интересу [48, р. 22]. Желания всегда направлены на эмпирический объект, опосредованный представлениями, с помощью знаков, которые идентифицируют объект и делают его значимым. Но эти представления никогда не могут полностью «ухватить» объект, они всегда, в определенном отношении, упускают его. Таким образом, они не уничтожают отсутствие, а воссоздают его. По отношению к объектам знания необходимо подчеркнуть, что представления, к которым приходят эксперты в процессе своих поисков, с одной стороны, являются частичными и неполными, но, с другой стороны, помогают понять, чего же все еще недостает в картине объекта, и предлагают дальнейшие шаги для восполнения недостающего. В этом смысле можно сказать, что объекты знания структурируют желание и обеспечивают его непрерывность не только для отдельных ученых, но и для целых коллективов и поколений экспертов, объединяющихся вокруг специфических объектов, таких, например, как плодовая мушка дрозофила [49, 50].

К следствиям коллективности мы обратимся позднее. Прежде чем перейти на собственно социологический язык, необходимо сказать еще несколько слов о том, что именно дает понятие структуры желания. Используемые нами идеи Лакана служат определению объектных отношений, которые мы рассматриваем в качестве критерия объектно-центрированной социальности, как отношений, основанных на, своего рода, взаимности: объектов, обеспечивающих продолжение последовательности желаний посредством знаков (то, что Лакан называет *signifiers*), которые они подают о том, чего им еще не хватает; и субъектов (экспертов) обеспечивающих непрерывность объектов, существующих только как последовательность отсутствий или как развертывающаяся

структура. Далее нас не будет интересовать лакановское объяснение отсутствия субъективности как укорененного в детском нарциссическом отношении к себе самому, а не к отсутствующему другому или объяснительная конструкция стадии зеркала. Нет необходимости апеллировать к убедительности лакановского объяснения стадии зеркала, чтобы признать тот факт, что идея структуры желания является правдоподобной. Данная идея способствует пониманию того, каким образом желание обнаруживает новые объекты, и объясняет изменчивость и бесконечность желания. Что касается знания, то идея структуры или последовательности желаний вводит в поле зрения целый ряд шагов и их внутреннюю динамику, а не изолированные причины, как это представлено в традиционных понятиях мотивов и целей. Это понятие указывает на существование либидозного измерения или основания познавательных действий, которое игнорируется, когда мы рассматриваем науку и экспертизу исключительно как когнитивные усилия. С нашей точки зрения, существование такого измерения порождено интенсивностью и увлекательностью тех объектных отношений, в которые вовлечены эксперты. <...>

В заключение этого раздела обратимся еще раз к понятию объекта знания. Два основных класса объектов, преобладающих в социальном мире и хорошо знакомых социологам, были рассмотрены выше — это товары и инструменты. Исследования экспертизы и науки поставили в центр внимания третий класс объектов — объекты знания. Определяющими характеристиками объектов этого вида, с теоретической точки зрения, является их изменчивый, открытый характер или незавершенное существование и нетождественность самим себе. Незавершенность существования — решающий момент: объекты многих областей знания имеют материальное воплощение, но одновременно они должны пониматься и как развертывающиеся структуры отсутствия, как объекты, которые постоянно «мутируют» во что-то иное и определяются, и как то, чем они не являются (но, возможно, станут), и как то, что они есть в данный момент. Они также должны представляться как текстуальные или значащие объекты; большинство объектов знания производят всевозможные знаки и переводятся в них. Их особое качество как текстов (и проблема читаемости этих текстов) порождает вопросы, в которые мы не можем здесь вдаваться, но которые следует упомянуть. Наконец, объекты знания существуют одновременно в разнообразных формах, что становится важным с точки зрения их связующей роли для коллективов. Именно временная изменчивость и открытая онтология этих объектов хорошо согласуется со структурой желания и порождает привязанность экспертов к объектам знания. <...>

Если аргумент о возрастании роли знания и экспертизы в современном обществе верен, то понятие объектов как постоянно развертывающихся структур, сочетающих присутствие и отсутствие, должно быть включено в словарь социологии. Это не только те объекты, которыми занимаются эксперты, но и те, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной

жизни, когда инструменты и товары принимают форму объектов знания. Что также необходимо включить в словарь социологии, так это идею субъекта, как связанного с такими объектами и идентифицирующегося с ними. Психиатрик Фаербайн доказал, что «его немислимо иначе, как в своей связи с объектами. Оно развивается через отношения с объектами, как внешние, так и внутренние, как растение через контакт с почвой, водой и солнечным светом» [51, р. 165]. Фаербайн, как и в целом теория объектных отношений в психоанализе, обращается в основном к человеческим отношениям. Но нет причины ограничивать концепцию объектных отношений уровнем личности; фактически многие аналитики определяют первое объектное отношение как отношение младенца к частям тела, например, к материнской груди. Наука, как нам кажется, уже давно обеспечила нишу для такого понимания объектов, которое мы обрисовали в общих чертах, с тем, чтобы развить его дальше. Можно предположить, что она также обеспечила среду для объектных отношений, которые поддерживают индивидов и обуславливают личности. Хотя само возникновение объектных отношений вряд ли однозначно детерминировано ростом науки, нельзя отрицать тот факт, что структуры науки углубили и усилили эту форму включенности личности (объектные отношения), в то время, как другие контексты, например, структуры индустриального общества, которые изображают Бергер и его соавторы, напротив, могли вызвать отчуждение индивида от объектных отношений.

### **Объектно-центрированная социальность II: взаимозависимость и солидарность**

Социальность является базовой характеристикой человеческой жизни. Тем не менее, формы социальности меняются, что вызывает периодические изменения существующих концепций социального. Проблема, стоящая перед нами в данной работе, состоит в том, чтобы попытаться до некоторой степени освободить концепцию социальности от фиксации на социальных группах. <...>

Обычно понятие «социальность» используют тогда, когда говорят о группах, связях, взаимозависимости людей. Группы и социальность коллективов будут коротко рассмотрены в заключении; здесь же мы более подробно рассмотрим социальность личностно-объектных отношений и попытаемся понять эти отношения в терминах взаимозависимости, добавив измерение обязательности. В предыдущем разделе мы предположили, что существует форма взаимозависимости, которая основывается на понимании объектов знания как последовательности отсутствий — она и составляет суть объектно-центрированной социальности. Эта форма социальности подразумевает рефлексивность: она имеет место, когда личность в качестве структуры желания замыкает свое желание, направляя его на объект и обратно на себя. В этом движении личность поддерживается и расширяется посредством объекта, который обеспечивает продолжение структуры желания через нехватку бытия, завершенности и объективности. В данном случае социальность представляет собой явление, когда



субъект принимает «желания» объекта — как собственную структуру желания, когда субъект определяется через объект. В свою очередь, объект артикулируется субъектом: как «структура отсутствий», объект получает свою определенность, благодаря субъекту.

Формула взаимозависимости личности и объекта через связь желаний и отсутствий составляет суть отношений в рамках объектно-центрированной социальности. Недостаток этой формулы состоит в том, что она акцентирует внимание на завершенном характере взаимности. Взаимность желаний и отсутствий не просто случается или происходит, скорее, она тщательно и даже искусственно производится. Наибольший интерес представляет именно то, что происходит в процессе этого производства, когда, например, исследователь пытается придать смысл знакам, которые подает объект, чтобы определить, что еще отсутствует и что, следовательно, он хочет сделать дальше. Эта характеристика может быть распространена и на более глубокий уровень обращения с объектами. Чтобы понять этот уровень, рассмотрим, как конкретный исследователь сам характеризует свое отношение к объектам. Обратимся к высказываниям биолога Барбары Мак-Клинток, которые были зафиксированы ее выдающимся биографом Эвелин Фокс Келлер [52]. Пример Мак-Клинток особенно подходит для целей нашего исследования, поскольку ее открытия начала 1950-х гг. не соответствовали представлениям большинства биологов, что сделало ее аутсайдером в биологическом сообществе того времени. Для нас этот факт примечателен тем, что более широкий контекст межличностных отношений (сообщество или исследовательская группа) здесь не влияет на общую картину в той степени, как в случае других ученых. Мак-Клинток, родившаяся в 1902 г.; работала одна, главным образом в отделе генетики Лаборатории Колд Спринг Харбор на северном берегу Лонг-Айленда. Исследование по цитогенетике кукурузы привело ее к открытию переноса генетических элементов и в конце концов принесло ей широкую известность и признание [52, р. X]. Фокс Келлер описывает «роман с природой» Мак-Клинток и «чувство сопричастности живым организмам» как источник ее креативности [52, р. 205]. Это чувство выражается в том, как Мак-Клинток воспринимает организмы. Вот одно из ее высказываний: «Я обнаружила, что чем больше я работала с хромосомами, тем больше они становились, когда я работала с ними, я была не снаружи, а внутри. Я была частью системы. Я была там, с ними, и все было большим. Я даже могла видеть внутренние части хромосом — действительно, все было там. Это удивило меня, потому что я действительно чувствовала себя так, как будто я была с ними, а они были моими друзьями» [52, р. 117].

То, что Мак-Клинток видела «там», среди хромосом, она описывает на языке генетики. Для нас же важна логика ее рассуждений: «Когда вы смотрите на эти объекты, они становятся частью вас. И вы забываете себя. Главное здесь именно то, что вы забываете себя» [44, р. 117]. <...>

Мидовское понятие «принятия роли», введенное для характеристики межличностной социальности, может быть применено, по крайней мере отчасти, и для анализа подобной ситуации. Данное понятие предполагает наличие межличностной рефлексивности, возникающей, когда индивид принимает установку другого по отношению к себе. Эта установка определяет и структурирует личность, которая, таким образом (через другого) социально конституируется. Этот процесс, в своей взаимности и непрерывности, способствует повседневному пониманию и коммуникации с другими людьми. Применяя понятие Мида к первой цитате, можно сказать, что там описывается, каким образом ученый принимает установку (или роль, или позицию) своих объектов (хромосом), приписывая им определенные поведенческие диспозиции (аналог мидовских «жестов»). <...> Что отсутствует в данном сценарии, так это — взаимность рефлексивности: Мак-Клинтон говорит об «установках» объектов не по отношению к ней самой, а по отношению друг к другу и к окружающей среде. Рассматривая вторую цитату, можно сказать, что хромосомы как бы «принимают» установки Мак-Клинтон (ее теоретические построения) по отношению к ним, то есть ее мышление, ориентированное на них. Однако подобная трактовка расширяет концепцию «принятия роли» и самоописания Мак-Клинтон. Отчасти следуя за Мидом, мы можем согласиться, что Мак-Клинтон описывает то, как она в качестве субъекта и ученого участвует в мире объектов и как исследуемый мир объектов участвует в ней. Здесь существует определенного рода взаимность, но несколько смещенная, так как Мак-Клинтон и ее объекты делают структурно различные вещи (например, она наблюдает их и ставит себя на их место, а они «используют» ее исследовательские способности).

Взаимное «коммуникативное» участие такого типа или пересечение субъекта и объекта, описанное выше (часть субъекта становится объектом, и наоборот), ведет нас дальше взаимности желаний и отсутствий, с которой мы начинали. Существует еще одна точка зрения на приведенные выше цитаты, идущая скорее от Дюркгейма, чем от Мида. Как справедливо подчеркивает Фокс Келлер, замечание относительно исчезновения самосознающего Я (во второй цитате Мак-Клинтон) и ее требование «забыть себя» подразумевает состояние слияния субъекта и объекта познания. Выражаясь языком Дюркгейма, можно назвать это чувством единства, общности или солидарности. Солидарность, согласно Дюркгейму и другим авторам, не является однозначным понятием. Во-первых, дюркгеймовское «силовое поле» [53; 54, р. 106, 122] социальной солидарности питается чувствами или эмоциями; Дюркгейм полагает, что «мы-ощущение» появляется тогда, когда группа возбуждена. Во-вторых, солидарность имеет моральное измерение: например, правильные действия укрепляют солидарность. В-третьих, как уже говорилось выше, солидарность предполагает единство. Согласно Дюркгейму, это единство обусловлено морально или семиотически, т.е. общностью значений.

В контексте нашего исследования проблема дюркгеймовского понятия солидарности (как оно используется, напр., в [55; 56; 54]) состоит в

том, что Дюркгейм придает слишком большое значение ритуалам и символам как источникам солидарности. Отношение экспертов к объектам включает определенные ритуалы, и этот аспект экспертизы требует особого внимания. Тем не менее, представляется, что тот вид солидарности, который подразумевается в приведенных цитатах, берет свою силу из общности жизненного мира (например, ученый разделяет мир объектов) или из знания объекта. Например, когда Мак-Клинток говорит о своем единстве с изучаемыми объектами, она не только старается лучше понять их, она их уже знает, и именно это делает возможным ощущение единства. Таким образом, чтобы применить понятие солидарности для рассмотрения объектно-центрированной социальности, необходимо его эпистемологически обосновать, а не просто выводить из ритуала. С другой стороны, эмоциональный аспект и моральная сторона также должны присутствовать в понятии объектно-центрированной солидарности. Фактически можно предположить, что возбуждение от открытия, наряду с волнением, связанным с различными формами самопрезентации экспертов (например, ритуал конференций) играет важную роль в возникновении связи между экспертами и объектами экспертизы. <...>

Понятие солидарности может стать более убедительным и более широко применимым к объектным отношениям, если учитывать моральное измерение; тогда объектно-центрированная социальность означает альтруистическое отношение к миру объектов. В этом смысле объектно-центрированная социальность легко распространяется на человеческое отношение к природе, на экологические ценности общественных движений и т.д. Но что является основой подобного альтруизма?<...>

Если наша интерпретация верна, то мы снова возвращаемся к вышеупомянутому эпистемическому источнику объектно-центрированной солидарности. Отношения солидарности и знание в рассматриваемом случае взаимосвязаны, второе не может быть определено без первого. Это, конечно, не означает, что чувство моральной солидарности, например, с природой, невозможно в условиях недостатка знания. Однако эти явления не зависят друг от друга и даже могут противостоять друг другу.

Понятие «солидарность» неоднозначно и скрывает несколько концептуальных измерений, которые оставляют неясными порождающие ее механизмы. Тем не менее, это понятие может быть использовано для лучшего понимания объектно-центрированной социальности как чувства связанности или единства с объектами (чувство идентичности); как морального чувства (обязательства обращаться с объектами определенным образом) и как состояний эмоционального возбуждения, укрепляющего эти обязательства. Все это так или иначе связано со знанием объекта. Именно в этом отношении мидовская формула становится важной. Она позволяет понять некоторые механизмы эпистемической вовлеченности, которую описывает Мак-Клинток: ее включенность в мир объектов (в лабораторной науке это получает физический смысл, когда исследователь стоит у приборов и манипулирует объектами) и объекты, принимающие ее личность. <...>

### **Заключительные замечания: более широкий контекст объектно-центрированной социальности**

Вряд ли кто-нибудь станет спорить, что знание и технология составляют сейчас основные факторы, определяющие общественное развитие. Но немногие социальные исследователи рассмотрели, что это означает на уровне базовых концепций социального, например, на уровне социальных форм связи Я и другого. Многие ученые, от Маркса до Дэниела Белла и других современных авторов, рассматривали влияние знания и технологии в терминах индустриальных трансформаций, трансформаций рабочей силы, окружающей среды и даже самого знания. Также подробно обсуждалась трансформация традиционного жизненного мира в рефлексивно конструируемые системы индивидуальной и коллективной жизни [10]. Вторая линия рассуждений ближе к нашему анализу, чем первая. Однако большинство известных теорий остаются внешними теориями знания и экспертизы, они рассматривают функционирование знания и технологии извне, трактуя свои объекты как когнитивные продукты. Само понятие знания редко эксплицируется в подобных рассуждениях; если же и эксплицируется, то свойства, приписываемые знанию (например, идеи Д. Белла относительно постиндустриального общества), не выводятся эмпирически, а скорее основываются на традиционном отождествлении науки с теорией и абстрактными системами [12, р. 128], а технологии — с принципами механических или электронных машин. Если личность и присутствует в подобных сценариях, то внимание акцентируется на негативных воздействиях, которым она подвергается; технологическое производство и технологически измененная среда рассматриваются как факторы отчуждения и возрастания рисков; личность рассматривается как обремененная сложностью общества знания, отчужденная перед лицом противоречивого содержания и неопределенности науки.

В данной статье защищается другая позиция. Мы попытались дополнить существующие подходы, оставляя открытыми понятия знания и экспертизы и выдвигая на первый план объектные отношения, которые, по нашему мнению, являются определяющими в процессах познания. Идея объекта, релевантная для понимания этих отношений, резко контрастирует с понятиями инструмента, товара или повседневной вещи. Мы утверждаем, что либидозные и реципрокные компоненты связи эксперта со своим объектом дают возможность рассматривать этот тип отношений как особую форму социальности, а не просто как «работу» или «инструментальное действие». Подобное изменение интерпретации позволяет утверждать, что тот тип объектных отношений, который присутствует в экспертных культурах, составляет скрытую и игнорируемую сторону современного опыта индивидуализации. Характер нынешних изменений связан с тем, что мы назвали «объектуализацией», т.е. возрастающей ориентацией на объекты как источники самости, реляционной интимности, разделяемой субъективности и социальной интеграции. В данной статье мы рассмотрели распространение экспертных контекстов и культур знания в обществе как возможный фактор роста объектно-

центрированной социальности. Повсеместное присутствие таких культур (личности эксперта, объектов, обладающих свойствами объектов знания, и т.д.) подразумевает перегруппировку социальных отношений вокруг объектов знания.

Возможно, существует еще один фактор, управляющий процессами объектуализации, а именно — возрастание рисков, которое многие авторы рассматривают как неотъемлемое свойство современных человеческих отношений. По этому сценарию, объекты могут рассматриваться как своего рода средства преодоления рисков и неудач, заключенных в человеческих отношениях и в более широком постсоциальном развитии, описанном в статье. Тем не менее, мы считаем, что эта и предыдущая ситуации не являются независимыми друг от друга и во многом связаны. Например, поскольку многие объекты повседневной жизни превращаются в высокотехнологичные приспособления, некоторые из свойств, демонстрируемых объектами в экспертных контекстах, могут привноситься в повседневную жизнь, превращая инструмент или товар в повседневную эпистемическую вещь. Возможно, некоторые из тех требований, которые компьютеры и компьютерные программы предъявляют к своим пользователям и некоторые из возможностей, которые они предоставляют [57; 58], могут быть интерпретированы именно таким образом. Если анализ Хайдеггера [34] и других верен, то типичные инструменты в старом смысле не предоставляли таких возможностей.

В данной статье мы рассмотрели объектно-центрированную социальность с точки зрения отношений «личность–объект». В заключение хотелось бы подчеркнуть необходимость более широкого анализа этого типа социальности. <...> Версия индивидуалистского тезиса о том, что личность модерна лишена корней, выдвигает на первый план сообщество и традицию как понятия, необходимые для понимания прежних контекстов включенности [59]. Основная идея данной статьи состоит в том, что объектами могут играть значительную роль в конституировании таких контекстов. <...>

Далее можно обратиться к понятию интеграции с точки зрения того, может ли идея объектуальной интеграции помочь понять общество знания. Интеграция в социальных науках в основном понимается в терминах нормативного консенсуса и разделяемых ценностей — точка зрения, идущая от Дюркгейма и Парсонса. Учитывая современный рост и разнообразие этнического и культурного сознания в национальных государствах [60], такое понимание интеграции вызывает большие сомнения. Поскольку общие ценности больше не являются следствием разделяемых традиций и не могут быть навязаны какой-либо властью, интеграция посредством норм и ценностей представляется все менее и менее эффективной. Фактически интеграция подобного рода возможна сейчас только как социокультурно-спроектированный консенсус [8]. Петерс [61] доказывает, что интеграция может обеспечиваться и другими факторами, например, всеобщим процветанием, которое связывает большие сегменты населения в общество. Последнее, в свою очередь, в значительной мере основа-

но на объектах, роль которых в осуществлении интеграции еще предстоит выяснить. В экспертных контекстах связующая роль объектов знания подтверждается многочисленными примерами: их способностью циркулировать в качестве испытательных материалов, карт, опытных образцов, веществ и т.д. Такая форма объектуальной интеграции может создавать «мысленные» сообщества [62], коллективные обязательства по отношению к отсутствиям, которые выражают неполные объекты, и эмоциональное единство посредством концентрации чувств, образов и метафор на базовых объектах. Вероятно, объектуальная интеграция играет ведущую роль в формировании исследовательских групп [63] и экспериментальных систем [33] через поколения участников.

Идея объектуализации предполагает, что мы переживаем переход форм социальной связи от социальной и нормативной интеграции к объектам как к партнерам по отношениям или компонентам включающей среды. Такое понимание вовсе не отрицает того факта, что определенные формы связи с объектами и посредством их существовали всегда; мы утверждаем только, что именно эти формы становятся преобладающими в постсоциальных обществах знания и что наши основные концепции социального должны включать и эти формы. Развитие, о котором мы говорим, требует дальнейшего исследования посредством эмпирического изучения близких объектуальных отношений в экспертных системах и в других областях. Интересной сферой исследования объектной социальности мог бы стать досуг; на совершенно другом уровне такой сферой мог бы стать международный биржевой и валютный рынок, характеризующийся полной захваченностью продавцов объектами [64, р. 238], которые, как, например, цена, никогда не бывают постоянными, и которые, как давно считается, тесно связаны со знанием [65]. Такие исследования могли бы развить нашу идею конституирования социальности в направлении, необходимом для понимания текущего перехода к постсоциальному обществу знания и растущего предпочтения индивидуальных жизненных стилей. Они также позволили бы нам выделить различные типы социальности с объектами и посредством их и связать их с межличностным разнообразием социальных форм.

*Сокр. пер. с англ. В.И. Дудиной*

### **Литература**

1. Coleman J. The Rational Reconstruction of Society: 1992 Presidential Address // *American Sociological Review*. 1993. № 58.
2. Tocqueville A. de *Of Individualism in Democracies // Democracy in America* / Ed. by J.P. Mayer. Vol. 2, trans. George Lawrence. New York: Doubleday, Anchor Books, 1969 (1840).
3. MacFarlane A. *The Origins of English Individualism: The Family, Property and Social Transition*. New York: Cambridge University Press, 1979.
4. Berger P., Berger B., Kellner H. *The Homeless Mind: Modernization and Consciousness*. New York: Vintage Books, 1974.
5. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books, 1973.

6. Sandel M.J. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
7. Walzer M. The Communitarian Critique of Liberalism // Political Theory. 1990. Vol. 18. № 1.
8. Etzioni A. The Spirit of Community. New York: Crown, 1994.
9. Lasch C. The Culture of Narcissism. New York: W.W. Norton, 1978.
10. Beck U., Beck-Gernsheim E. The Normal Chaos of Love. Cambridge: Polity, 1994.
11. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization and «Precarious Freedoms»: Perspectives and Controversies of a Subject-Orientated Sociology // Detraditionalization: Critical Reflections on Authority and Identity / Eds. P. Heelas, S. Lash, P. Morris. Oxford: Blackwell. 1996.
12. Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Reflexive Modernization / Eds. U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
13. Heelas P. Introduction: Detraditionalization and its Rivals // Detraditionalization: Critical Reflections on Authority and Identity / Eds. P. Heelas, S. Lash, P. Morris. Oxford: Blackwell, 1996.
14. Hage J., Powers C.H. Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century. London and Newbury Park: Sage, 1992.
15. Bauman Z. Morality in the Age of Contingency // Detraditionalization: Critical Reflections on Authority and Identity / Eds. P. Heelas, S. Lash, P. Morris. Oxford: Blackwell, 1996.
16. Giddens A. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
17. Lash S. Reflexivity and its Doubles: Structure, Aesthetics, Community // Reflexive Modernization / Eds. U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
18. Wittrock B., Wagner P. Social Science and the Building of the Early Welfare State // States, Social Knowledge, and the Origins of Modern Social Policies / Eds. D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
19. Rabinbach A. Social Knowledge, Social Risk, and the Politics of Industrial Accidents in Germany and France // States, Social Knowledge, and the Origins of Modern Social Policies / Eds. D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
20. Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. London: Sage, 1994.
21. Bruegger U., Knorr Cetina K. Global Microstructures. Paper presented at the Annual Meeting of the Society for Social Studies of Science. Tucson. Arizona, 1997. October.
22. Lyotard J.E The Postmodern Condition. Manchester: Manchester University Press, 1984.
23. Beniger J.R. The Control Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.
24. Drucker P.F. Post-Capitalist Society. New York: Harper Collins, 1993.
25. Stehr N. Arbeit, Eigentum und Wissen. Zur Theorie von Wissensgesellschaften. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994.
26. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992.
27. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1981.
28. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.
29. Knorr Cetina K. Epistemics in Society // Rural Reconstruction in a Market Economy / Eds. W. Heijman, H. Hetsen, J. Frouws. Wageningen: Mansholt Institute, 1996.
30. Knorr Cetina K. Objectual Practice // Thinking Practices: The Practice Approach in Social Thought / Eds. K. Knorr Cetina, E.v. Savigny, T. Schatzki. Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

31. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Briec Bay // *Power Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* / Ed. by J. Law. London: Routledge and Kegan Paul, 1986.
32. Latour B. *We Have Never Been Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
33. Rheinberger H.-J. *Experiment, Difference, and Writing: I. Tracing Protein Synthesis* // *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1992. Vol. 23. № 2.
34. Heidegger M. *Being and Time*. New York: Harper & Row, 1962 (1927).
35. Heidegger M. *Basic Problems of Phenomenology*. Bloomington: Indiana University Press, 1982 (1927).
36. Habermas J. *Zur Logik der Sozialwissenschaften*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1970.
37. Slater D. *Consumer Culture and Modernity*. Cambridge: Polity, 1997.
38. Simmel G. *The Philosophy of Money*. London: Routledge, 1978 (1907).
39. Baudrillard J. *Les Systèmes des objets*. Paris: Gallimard, 1968.
40. Baudrillard J. *La Société de consommation*. Paris: Éditions Denoël, 1970.
41. Marx K. *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie*. Band 1. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1968 (1887).
42. Levinas E. *De l'existence à l'existant*. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1990.
43. Lacan J. *The Language of the Self*. New York: Dell, 1975.
44. Baldwin J.M. *Social and Ethical Interpretations of Mental Development*. New York: Arno Press, 1973 (1899).
45. Hegel G.W.F. *Phenomenology of Spirit*. Oxford: Oxford University Press, 1979 (1807).
46. Lacan J., Wilden A. *Speech and Language in Psychoanalysis*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1968.
47. Alford C.F. *The Self in Social Theory*. New Haven, CT: Yale University Press, 1991.
48. Baas B. *Die phänomenologische Ausarbeitung des Objekts a: Lacan mit Kant und Merleau-Ponty* // *Riss*. 1996. № 1.
49. Geison G.L., Holmes F. (eds) *Research Schools: Historical Reappraisals* // *Osiris*. 1993. № 8.
50. Kohler R. *Lords of the Fly*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
51. Greenberg J.R., Mitchell S.A. *Object Relations in Psychoanalytic Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
52. Fox Keller E. *A Feeling of the Organism: The Life and Work of Barbara McClintock*. San Francisco: Freeman, 1983.
53. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York: The Free Press, 1964 (1893).
54. Wiley N. *The Semiotic Self*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
55. Goffman E. *Interaction Ritual*. New York: Doubleday, 1967.
56. Collins R. *Sociological Insight*. New York: Oxford University Press, 1982.
57. Turkle S. *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. New York: Simon & Schuster, 1984.
58. Turkle S. *Life on the Screen*. New York: Simon & Schuster, 1995.
59. Heelas P., Lash S., Morris P. (eds) *Detraditionalization: Critical Reflections on Authority and Identity*. Oxford: Blackwell, 1996.
60. Featherstone M. (ed.) *Global Culture*. London: Sage, 1990.
61. Peters B. *Die Integration moderner Gesellschaften*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1993.
62. Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
63. Geison G.L. *Research Schools and New Directions in the Historiography of Science* // *Research Schools: Historical Reappraisals* / Eds. G.L. Geison, F. Holmes // *Osiris*. 1993. № 8.
64. Abolafia M. *Hyper-Rational Gaming* // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1996. Vol. 25 № 2.
65. Hayek F. *The Use of Knowledge in Society* // *American Economic Review*. 1945. Vol. 35. № 4.